

АЛЕКСАНДР ОЖИГАНОВ

(р. 1944) →

← КОЛОДЦЫ

И что еще нам остается?
Холодной мордочкой уткнуться
У придорожного колодца
В ноябрьский ранний-ранний лед.
"↑ Вода, Аленушка, не пьется..."
Но стоит только заикнуться -
Кричит: "Напейся, как придется.
Разбей копытом, идиот!"

А лед не думает колоться.
В кого теперь мне обернуться
У придорожного колодца?
Кто из колодца воду пьет?
Сестрица плачет и смеется.
Но скоро встречная каруца -
Ах, что еще ей остается! -
Ее от брата увезет.

Никто на зов не отзовется.
Кто согласится оглянуться?
Стоит козленок у колодца,
Ноябрьский лед копытом бьет.
И что еще нам остается,
Скажи на милость, Ильянуца,
Когда у каждого колодца
По всей дороге кто-то пьет?

← 1968

← ДИАЛОГ

"↑ Не останавливайся здесь:
Ты всё еще в гостях - не дома!
Всё смысла лишено, все невесомо.
Не соль и суть - а взвешенная взвесь."

Не останавливайся здесь!
Здесь кое-что тебе знакомо...
Усадьбу белого детдома
Ты видишь, поглядев отвесно внизь.

Там ангел в белом колпаке
И вылинявшей куртке,
Там ангел кроткий, ангел жуткий
Обломок кирпича зажал в руке.

Его ладонь в открытых гнойниках
И голову, как факел, керосином
Облитую ты видишь?.. В двойниках
Взвесь повторяет эту же картину". -

"Примешееся колдовство
Как дрожжи здесь необходимо.
Немного солнца, горсть сухого дыма
Глоток вина - вот только и всего!" -

"Здесь ангел отразился в двойниках
Из взвешенных частиц, из мнимой глины.
Земной пузырь пронзив до середины,
Ты одного из них сомнешь в руках.

Здесь смысла нет ни в чем, нет сердцевины". -

"На полпути - я не на облаках!
Там ангел, расплодивший насекомых,
Обломком кирпича швыряет: трах! -
И наконец-то найден иск искомый.

Необходимо колдовство.
Необходима ведьма в три обхвата,
Растущие, как на дрожжах, ребята
И жара впрок - вот только и всего!" -

Тебя охватывает страх.
Запрячься же, укройся под соломой!
Во взвеси вспененной и невесомой
Ты только лишь соринка на губах.

И пью от жара вспененный настой,
Отвар, который пострашней отравы.
Здесь все - игра, здесь все - одни забавы,
Броженье, гниль, земли пузырь пустой...

Ни берега здесь нет, ни переправы". -
Необходимо колдовство,
Путеводитель и запас словарный
И стол-корабль простой и легендарный -
И одиночество - вот только и всего!

Не догадается о том,
Как парус призрачный надежен,
Тот - наверху. Он только корчит рожи,
Швыряет сверху битым кирпичом".

← 1973 f

Гамлет. Монологи (I)

Зачем шутит?

После тридцати стихов не пишут.
Мелчного молчанья рецедив.
Кислое лекарство с ложки лизут
после тридцати.

После тридцати в кулак не свищут.
Окостеневае желатин.
Скрытые в траве могилы ищут
после тридцати.

После тридцати домашней мышью
глохут, задыхаясь, травести...
Песен не поют, стихов не пишут
после тридцати.

Сентябрь 1974
Куйбышев, 99-1974

ЛЕНИНГРАД

1 —————>

Не мы завоевали Ленинград,
А он - мгновенно и непоправимо -
Пальцем исторгаемых рулад
И шепотом четверостиший над
Громоздкими крылами серафима,
Собрав в комочек векового дыма
Витиеватых озарений чад.

2 —————>

А секунды так зелены! - для них
Копая и копя тепло и влагу
И пеструю словарь и жду других,
Свой юго-западный полумолдавский стих
Переносу на бледную бумагу,
Серо-малиновую каменную сагу
Тревожу пеннем сирен морских.

3 —————>

И если есть Одесса и Лиман,
Тирасполь, Херсонес, Назон и Фивы,-
Густой адриатический туман
Изроет берега союзных стран,
Переводя приливы и отливы
За полукруг аттической оливы
Для ленинградцев и для молдаван.

4 —————>

Сандалия твоя, легионер,
Поправ косматых бриттов, не ступала
На берега Невы. Я - пионер,
Ветвь боковая, мальчик Ионел,
Простой пастух, оглохший от металла,
Когда над стадом вымерших пантер
Империи седая пыль лежала.

5 —————>

Но если есть какая-нибудь связь,
То связь корней и крон, при раздвоеньи
Стволов. И ты - не пастушок, а князь:
Под властью у тебя двойная вязь
И новое слоистое растенье.
За кругом круг! И дальше - в средостенье
Кругов, над нежной завязью клонясь!..

6 —————>

Аэрофлота угловой фрегат -
Темнее кофе, дружественней моря -
Предоставляет всё, чем он богат.
Полуморской, полувоздушный сад -
Ростки усердия, радости и горя,
Когда молчим, с ним невпопад не спорим,
Плывем и с ним не спорим невпопад.

7 —————>

И возвращаясь на круги своя,
Я пью нездешний воздух Ленинграда,
За несколько шагов от бытия,
За несколько стихов, которых я,
Еще не написал, - их и не надо,
Ведь все, что следовало взять из сада,
Взяла сырого воздуха струя.

< 1974 >

→ ИЗ ЦИКЛА "ЧЕРТОВА ДОЖИНА" (13)

ИЗ

Вот это - словарь иностранных слов,
А это - другой словарь.
Листай до рассвета, но весь улов
До вечера разбазарь.

И вечером вымучь какой-то крик
Нечленораздельный, как
Будто болтает немой старик,
Утопленник и дурак.

Как будто ликует морской прибой
И мается материк...
И в мерзлую глину возьмешь с собой
Нечленораздельный крик.

Останься. Но не говори со мной.
Беседы пора забыть.
О речи бесхитростной и прямой
И речи не может быть.

{ 1974 }

x x x

С высокомерным удивленьем
взгляни на близких и чужих:
душа, захваченная тленьем,
почти не замечает их.

Как старенькое фортепьяно,
монашка, дурочка - душа
немотствует светло и пьяно,
как будто музыка ушла

по желтым клавишам за крышку,
застыв, как молния в стекле,
тончайшей вспышкой... Но слишком
красноречив ее скелет:

достаточно скупого взгляда,
блуждающего взгляда ей -
и бледные клубки разряда
взорвутся клубнями огней!

Как привиденье на кладбище,
смеша, смущая и страша,
гремит и лязгает, и свистит -
играет грешная душа!

Ноябрь
7 1975 7

БАЛЛАДА О ДВУХ МАРИНАХ

Голодаем, как испанцы...

→ М. Цветаева

Вши, мыши, коты и собаки,
и черви, глисты, привиденья,
и ты,
ты, Леня Бушуйский, в коросте,
в соплях - мой единственный ангел,
пропахший насквозь керосином
и кровью,
и гноем,
и гневом
господним, -

сюда! - на кладбище
помещичье и родовое,
где запах - и тот благороден:
настоянное разложение!..

И вот наша милая гостья,
гишпанская московитянка
с глазами, вобравшими небо
и землю с плодами... садами...

С глазами, отдавшими небо
и землю шальному цыгану
за тонкие смуглые руки,
за легкое белое знамя!..

И вот наша гостья в печали...

О господи! - староста группы,
любимица... Тоже - Марина ...
Колпак на головке лишайной...
А кто там за ней копошится
застиранной байковой мышью? -
да вся наша группа вторая!

И в белом халатике - мама
моя и сиротская мать,
как белая лебедь из сказки...

Кто ищет приюта в приюте?
Кому от соленого сладко?

Две разных Марины, два мира...
И та же земля под ногами.

"А где моя дочка Ирина?" —

← "А где моя мама?..

ГДЕ МАМА ? ! .. ? "

^{июня}
← 08 ~~1974~~ 1976

х х х

О.М.

Я слышу шум всех битв
(шуршит камыш о крышу)!
всех воплей, всех молитв,
всех жизней шум я слышу.

Вошел и вышел вон.
Что впопыхах увидел?..
Качающийся звон
в ушах - и всё: ловите!

Хранение хламья -
на нижней полке, в глине...
Где нет меня - там я!
Где я - нет и в помине

меня! Кто плакал - смысл
и слабое свечение....
Теряет всякий смысл
"я" для обозначенья

меня: кому я кум?
из чьей изъят отчизны?..
Шум слышу. Слышу шум.
Безжизненный шум жизни.

января
12 ~~1977~~ 1977

О Л Е Г О Х А П К И Н
/ р. 1944 /

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Давно так не звездило по ночам.
Всё осень, осень, облака да тучи.
Эпохи поворот тем круче, круче,
Чем чаще люди ходят по врачам.
Увы, меня не тронула простуда!
Хоть весь продрог, я не о том скорблю.
Смотрю в пучину в жуткой жажде чуда,
Но не дано разбиться кораблю.

Давно так не звездило по ночам.
Всё ветер, ветер, сумрак и ненастье...
Пусть непогода треплет наши снасти,
Но бури нет и дождь по мелочам.
Так муторно, что хочется к причалу.
Но берег, берег... Это позади.
И плаванье не обратит к началу,
Когда еще бессмертье впереди.

Давно так не звездило по ночам.
Всё свечи, свечи, тусклая каюта
И паруса в полете без приюта,

Да ржавчина по доблестным мечам.
И ужас наводящая свобода,
Когда покой, как призрак в тишине.
И дух не утоляет непогода,
И вечный парус, парус при луне.

Давно так не звездило по ночам.
Всё бегство, бегство, комната и книги...
В пространстве гуч имперские квадриги,
В столетьях даты - все по палачам.
Лишь палуба Летучего голландца
Вне времени, законов, перемен.
Но и на ней опасно без баланса.
Свободен дух, но и скитанье - плен.

←1968

К ДУШЕ СВОЕЙ

Каково тебе, душа, за гордость расплату
Чистоганом получать приправой к салату
Тайной вечера твоей, горечь окаянну,
Пиру брань предпочитать подобно Траяну?
Каково в спор вступать аж противу века?
Уж не гибелен ли спор тот для человека?
Вот, повержено в постель в Сосновой Поляне
Тело твое, моя душа, брошено, как в яме.
Распласталось по одру, читай, по дивану.
И никто не навестит... Как же перестану
Плакать, дура, по тебе? сгноишь ведь в чахотке
И себя, и меня... долго ль до Чукотки
Остается стране? Куда торопиться!
А уж если спешить, не лучше ль топиться
Не в воде, так в вине, коли пить тревожно?
Право, пить веселей, когда пить возможно.
Каково тебе со мной пить в одиночку?
Что ж никто из друзей денег на бочку
Не положит - не придет? Эх, печаль-скука!
Круговая тщета, нищая порука!

Много ль жаловаться мне, душа моя? Вот я
Лежу в grippe на сей раз, выхаркав лохмотья
Горла певчего в платок, сердце песня ломит...
Если к Богу отлетишь, кто мя похоронит?
Повремени, о душа! заведу собаку...
А то и бабу заведу... Люблю тварь всяку.
А еще, и эта мысль страшнее могилы,
Мать-старуха жива... хватит ли ей силы
Схоронить меня, когда, душа, к Богу в руки
Попадешь, не дотерпев распятия муки...
Гордость твоя, христианин, дух мой полунищий,
Не гордыня - горечь всех, живых твоей пищей.
А по-сему будь честна, душа моя, пой же
И на кресте, пусть одна, зато боли больше.

← 1970 →

К В А Д Р И Г А

~~Возвращение~~ А.С.Пушкину ←→

Нет ничего ужасней и странней
Квадригой черной сросшихся коней.
Имперской бронзой ставшие навек,
Они тебя раздавят, человек!

Чудовищны четыре жеребца,
Застывшие над лаврами венца.
Звериная душа, металлом став,
Ожесточила тварный свой состав.

Уже не всадник, слившийся с конем, -
Зверообразный памятник. На нем
Печать узурпаторской узды -
Ездок, забравший жуткие бразды.

Уже не конь, что издали - кентавр -
Над колесницей лицемерный лавр, -
Тавренный и подкованный табун,
А сверх всего - орел, не то горбун.

Триумф когда-то горного орла -
Звероподобье, в коем умерла
Прообраза божественная часть -
Над зверем человеческая власть.

Колеса не прибавили коню
Величия. С квадригой не сравню
Пегаса, распластавшего крыла
Превыше бронзы, лавра и орла.

Прекрасен и высок без седока
Сей конь, чье беззаконье на века
Крылами попирает испокон
Звероподобный вздыбленный Закон.

← 1972 →

С Ф И Н К С
→ Михаилу Шемякину ←

Ужасный зверь!.. Прекрасное лицо
В нем женщину таит с глазами бездны,
Но львиные объятия железны,
И этой мощью замкнуто кольцо.

Расщеплена пленительная суть
Ощеренным нутра звериным смыслом,
И если привести загадку к числам,
В ней бесконечность можно разомкнуть.

Двупольный образ - роковая смесь
Раздвоенных частей при двуединстве,
И в обоюдном двух начал бесчинстве
Единая вина пред третьим есть.

Но в чем подмена? Сей прелестный лик
Предполагает женщину и телом,
Но лев за поясным ее пределом
Предполагает жуткий львиный рык.

Власть женщины, смиряющая льва?
Иль, может, лев, глядящий нежной бездной?
Нет. В целом зверь порукою железной
Попрал кого-то третьего права.

Кто он? - Скорей всего, конечно, лев,
Поскольку ложь лица скрывает нечто.
Итак, лицо... - Жена!.. - А ниже плеч-то!..
Ужасно! Замкнут круг. Пред нами - блеф.

Разгадки нет без третьего лица.
Зверь неспроста во образе двоится.
В лице, как видно, мать его таится,
В породе же сквозят черты отца.

В смешении различных двух природ -
Весь человек, что надругался глине.
В насильнической это образине
Поруганы: он сам, земля и род.

Увы, Эдип!.. Сей Сфинкс не твой ли рок?
Его черты искажены обманом.
Не стой же трепеща пред истуканом!
Над бездной он дает тебе урок.

← 1972

В ЗВЕЗДНОЙ ДРЕМЕ

В ночном, пугающем проеме
В тишь обращенного окна
Порою мир, как жизнь, огромен,
И в нем душа, как перст, одна.

Тогда в тиши необозримой
Сознанья жизнь обнажена
И звездной животворной дремой
В блаженный мир погружена.

И все, что в сумерке недвижимом
Животворило каждый миг,
Вдруг обретает непостижно
И звук, и образ, и язык.

И слог за слогом еле слышно
В душе слоится тишина,
Как будто времени послушна
И звездной дремой внушена.

← 1973 →

ГОРОДУ МОЕГО ДЕТСТВА

Памяти О.Э.Мандельштама →

Город мой! Ледяная моя колыбель!
Слюдяное мерцание стекол, метель,
Завыванье печурки, чухонская стынь,
Лёд, Коломна, Беллона, Фонтанка, ледынь...

Всюду Мойры, двойная секира и мгла.
Тускло в сумерках бабкина светит игла,
И сестренка в платок целенает батон,
Да за стенкою крыса катает бидон.

Всюду горе и хвори, и злой не^уют,
И знобящая грусть, и часы отстают...
Штукатурка в следах чьих-то жутких когтей...
Безвиновное детство военных детей.

Дровяные сараи, подвалов герань.
Материнская молодость. Мирная рань.
И воскреснопоющая всюду пила,
И всё детство недетские наши дела.

И над всем этим - Город, встающий из мглы,
Засверкавший лучём золоченой иглы,
Возрожденный трудом и любовью святой,
Осветивший нам детство своей красотой.

Арки, полуколонны, Нева, купола...
В этом Городе, помнится, грёза была.
Не моя, но знакомая с детства заря -
Влажный сумрак и листья желтей янтаря.

В этом Городе... Что же я !.. В Городе том
Легендарном, янтарном, кошмарном, святом
Сотворилась надмирная дурная грусть -
Всероссийская сирая трель наизусть...

Что ж! Играй же, надрывная ветра свирель,
Скандинавская зыбь, вест, безлистье, Адель,
Бельт, Коломна, Беллона, мальчишеский бред
И мужская секира убийственных лет!

Я вас видел и слышал в том Городе грёз,
Где рвущий и рвущий мне уши мороз
И пронзительножёлтая детства листва
Обожгли мою душу огнём торжества.

Жизнь моя! За творящий, торжественный жар
В этом Городе ингерманландских ижор
Я готов разжевать тот имперский желток,
От которого век мой недаром жесток.

И да будет всегда этот Город мой прав,
Пусть превыше судьбы человеческий став!
Но и в этой ужасной его правоте
Что-то будет не то. Видно, судьбы не те.

←1973 ✎

САНКТЪ = ПЕТЕРБУРГЪ

Кто там скачет, хохочет и вьюгой гремит?
Это Санктъ-Петербурзь. Бронза, хлябь и гранит.

Не Орфей, не Евгений, но, ветром гоним,
Со стихией - стихия- беседую с ним.

Петербургъ - это больше чем город и миф.
Слышу вой проводов. Это - лирный прилив.

Город мой! Всероссийский, аттический бред!
Сколько слышал ты диких и тихих бесед!

Не твоей ли красы золотая тоска
Нашей лирной грозы изломила каскад?

Я люблю твой знобящий, завьюженный вид,
Город жизни моей, жуткий сон Аонид!

Нет, не Тибр и не море - студенцая зыбь...
Петербургской Невы, инфлюэнца и грипп...

И не стон Эвридики, но струнная медь
Будет в сердце гранита нестройно греметь.

За надрывную муку орфических струн, -
Заклинаю тебя, Фальконетов бурун, -

Вознеси мою душу превыше коня,
Или призрачный Всадник раздавит меня!

Но за дивную мощь триумфальных громад
Я готов и к погоне, и к визгу менад.

Кто там скачет? Ужели незыблемый конь?..
Сколько русских певцов - столько грузных погонь.

Сколько грустных провидцев, над каждым - Ликург.
Кто там скачет? То - Кастор. Держись, Петербургъ!

И за ним - Полидевк... Диоскуры в ночи.
Это Пушкин и Лермонтов к вам, палачи!

Это Клюев и Блок по пятам, по пятам...
Ходасевич, Кузмин, Гумилев, Манделштам...

И Эриния с ними - Ахматова... Ах!

Я еще там кого-то забыл впопыхах.
Но довольно и этих. Стихия, стихай!
Эх, Россия, Мессия... Кресты, вертухай.

7-1973

КОНЬ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ ПОВЕДОНОСЦА

Прекрасен конь Георгия. Как дух
Повис в метафизическом пространстве,

В простом и ослепительном убранстве
Иконописный образ не потух.

Конь фыркает и скачет, глаз косит
И радуется всаднику-герою.
И дух его пред нас подобен бою
С драконом, над которым он висит.

И всадник право правит сим конем.
Духовный взлет, и копием сверкучим
Пронзённый призрак змия злобной тучей
Склубляется и, молнийным огнем
Палимый, богохульствует в отце.

Святой Георгий в огненном плаще
Проносится над ним, одетый в бурю,
На вороном грохочущем коне,
На лбу крестообразно брови хмурия,
Из века в век на храмовой стене.

И этот конь, то вороной, то белый,
То красный, полыхающий как жар, -
Суть горный дух победы. Воин смелый
Вскормил его под пламенем Стожар.

В номном - земной и бдительной молитвой
Он освящен хозяином своим,
И духоборной праведною битвой
Бессмертен стал, от гибели храним.

Сей конь глядит на нас не конским ликом -
Духообразным боя торжеством,
Да победим в борении великом
Ползучее греха лжебожество.

Так всяка тварь, служению Господню
Бысть призвана, пусть подвиг совершит
И освятится сим и посегодня,
И в вечности, где путь свой завершит.

← 1978 ↵

Е Л Е Н А П У Д О В К И Н А
(р . 1950)

① ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 89

О, Господи! Ты шел из рода в род,
Из века в век. Что два тысячелетья? -
Вторая стража у земных ворот.
И наводнением уносишь Ты народ,
Когда из берегов выходит Лета.

И поколение вырастает, как трава, -
Едва нальется зеленью и цветом -
Придут косцы, засучат рукава.
И годы отлетают, как слова,
Отпущенные с губ, подхваченные ветром.

Лет наших семьдесят. И лучшая пора
Проходит в изнурительной работе.
Труд и болезнь - две стороны добра.
Опомнишься - уж просят со двора,
Лети себе, и размышляй в полете.

О, Господи! Как числить наши дни,
Чтоб сердце в мудрости великой преуспели?
Доколе? Смилоствись. За бедствия одни
Ты радости нам столько же верни,
И к делу наших рук благоволи, и к делу...

← 1975 ↵

2

х х х

М.Е. Салтыкову-Щедрину

Куда сегодня может занести
 Гипербола сатирика лихого?
 Куда б ни занесла - все повторится снова
 Не на листе уже, а во плоти.
 Какой поэт возьмется предсказать
 Клопину избу, строительство канала?
 То не Гомера дело - Ювенала.
 А наша муза отведет глаза.
 Я ж повторю, что нет страшной страны,
 Страшнее и любимее, чем эта,
 Где через век - не чаянья поэта,
 А вымыслы сатирика верны.

← 1976 /

3

х х х

Не жизнь идет, не длится черновик,
 Какие-то листы изгрызли мьши.
 Ночь не поет - срывается на крик,
 И этого уже не перепишешь.
 О чем-то жизнь должна повествовать,-
 Листая наши, всякий возмутится:
 О вечности не кончена глава,
 А о любви заплакана страница.
 И с Богом договору вышел срок.
 Оглянешься: ошибки, сноски, пятна...
 Но если кто читает между строк,
 То мы с тобой спасемся, вероятно.

← 1977 /

4

х х х

Огонь имеет страсть - и тем уже не страшен.
 Не больше, чем любовь, губительна вода.
 Но на краю земли у азиатских башен
 Песок, песок, песок вступает в города.

Взошедший на костер в огне же и воскреснет.
О пленниках своих вода всплакнет не раз.
Лишь в пении песка, в его тоскливой песне
Ни слова нет о том, что ожидает нас.

← 1977 ↵

5
х х х

Нет прошлого - есть мусорный пустырь;
Кривая злая, пыльные кусты,
И там, и здесь - одни обломки быта.
Но что-то так сияет в глубине,
Лучи такие посылает мне,
Что, кажется, не может быть разбито.

Нет прошлого; я оглянусь назад:
Где был пустырь - уже восходит сад, -
Я нахожу не то, что оставляла.
Билет, письмо, судьбы какой-то нить,
И тайна сразу перестала бить
Таинственной, едва сюда попала.

← 1978 ↵

6
х х х

К утру вернется в раму натормот,
И все изображенные предметы
Спокойно встретят наступление света.
Не умирать же в самом деле от
Тех перемен, что происходят с нами.
И просыпаясь, мы не знаем сами,
В какой вовлечены круговорот.

Творец свободным мир изобразил:
Плоды преобразаются в планеты
И в ночь летят, а дальше правил нету.
И лестницы нам снятся, но перил
Лишаются, нас заведя высоко.
И в головокружении жестоком
Жизнь длится и своих страшится сил.

← 1978 ↵

7

x x x

До тех лишь пор, пока полет секунд
 Доступен взору - он и существует.
 Но падая вдали, мгновения летают,
 Песком становятся, живую плоть секут.
 А те секунды, чей полет пока
 Не начался, минуя поле зренья,
 В голубизне, в блаженном отдаленьи
 Рассматривают нас сквозь облака.

← 1979 †

8

x x x

И.П. →

Неграмотная печь легко читает нас
 И на язык огня свободно переводит.
 Из звонких дров рождается рассказ
 О гибнущем неведомом народе.
 Не знало дерево, что так заговорит,
 Что жизнь такая с ним еще случится,
 Что каждым сухожильем повторит
 Все вымыслы огня и разыграет в лицах.
 Куда уж дереву теперь себя беречь!
 Вон, отсветы по всей избе гуляют...
 А печь-хозяйюшка, сказительница-печь
 Хлеб квасит между тем, да бражку замышляет.

← 1979 †

← ^{Следы!} "Памяти В. М. Алексеева"

ЕВГЕНИЙ РЕЙН
(р. 1935)

КРАЙ СВЕТА → /

О город последний, где бухта
 с названием Рог Золотой!
 Не жить бы так бурно, как будто
 умру я совсем молодой.